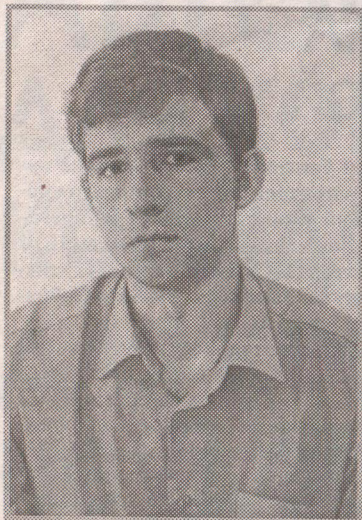

АЛЕКСАНДР ДЫЛЕВСКИЙ

ЖУРНАЛИСТ

Люди не должны привыкать к руинам православных храмов, оставшимся нам в наследство от богоборческих времен. Эти руины должны, как незаживающая рана, беречь наше сознание. Но этого не происходит. Привыкли. Воспринимаем развалины храмов как ландшафт, “прелесть запустения”. Отвратительная “прелесть”.

Наше время часто называют

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ИЛИ ЧАСТЬ ЛАНДШАФТА?

временем собирать камни. Пустое. Камни падают с прежней, если не с большей интенсивностью. И, проезжая по знакомым местам спустя пару лет, видишь: вот еще один купол обвалился, еще одна покосившаяся когда-то главка с крестом рухнула в крапиву...

Да, храмы эти деревенские точно странным природным росчерком легли “органично” в окружающий ландшафт, зарастая бузиной и березами, которые на куполах толще и выше, чем на земле. Стоит ли горевать об этих церквях? Стоит ли взывать об их спасении, если ни один местный житель не знает, как называется храм в его деревне, а заходят в него лишь для того, чтобы отодрать очередную доску от пола?

Не так давно молодежный клуб “Сеятель” предпринял очередную попытку “воззвать” к жителям и дачникам древнего села Красный

Бор — очень respectable (с точки зрения цен на землю) местности по берегам Тверцы. Был организован крестный ход, о котором предвительно расклеивались объявления. Около пятидесяти человек — представители различных молодежных православных клубов, приехавших из Твери в Красный Бор, чтобы отслужить молебен и панихиду в храме, где проломов, кажется, больше, чем самих стен.

Крестный ход шел по центральной улице села по направлению к брошенному храму, и почти из-за каждой калитки смотрело недоуменное лицо.

— Возьмите, — протягивали участники крестного хода буклет с историей этих мест.

— Не надо, — бормотали из-за калиток, отворачиваясь.

— Возьмите, здесь об истории

вашего села.

— Давайте, — протягивали руку, точно делая одолжение.

— И пойдемте с нами.

...Пришло к храму помолиться пять бабушек.

А между тем внутри и снаружи на стенах несчастной церкви, от которой эпоха атеистического помутнения оставила четыре стены и купол, красуются недавно намалеванные белой краской надписи: “Господи, дай нам сил восстановить этот храм”, “Христиане, уберите мусор от стен храма”. Такие призывы, повандальски намалеванные на старинных стенах XVIII века, заставляют лишь развести руками: до чего же парадоксальна человеческая природа. Что движет людьми, не пожалевшими времени на призывы, но не убравшими от стен храма ни одной сухой ветки?

Один мой знакомый часто возму-

щается: почему к любой “церковной развалине” до сих пор привязывают речевой штамп “советское время” как главную причину плачевного состояния храма? А ведь и правда. “Советское время” кончилось почти двадцать лет назад, но за эти двадцать лет великое множество уникальных памятников рухнуло, еще больше находится на грани. Мы говорим о сохранении наследия, о времени собирать камни, но все это очень похоже на пустой призыв, подобный тем, что намалеваны на храме в Красном (когда-то Пречистом) Бору. Камни разбрасываются по-прежнему, только методы теперь другие, “цивилизованные” — невмешательство в процесс разрушения.

Между тем история храма в Красном Бору уходит корнями во времена Тверского княжества и связана с образованием Тверского Отроча монастыря. На наших глазах гибнет уникальная клеевая стенопись начала XIX века, выполненная мастерами тверской иконописной школы...

Возможно, главное отличие того — богоборческого времени от нашего — “гуманистического” — лишь в одном: во времена, когда разбивали храмы, как это ни парадоксально, не было людей равнодушных.

НАТАЛЬЯ АЛЯБЫШЕВА

ЧЛЕН ОБЩЕСТВЕННОЙ НАБЛЮДАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ ПО КОНТРОЛЮ ЗА ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В МЕСТАХ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ

Им грозит ДЕПОРТАЦИЯ

сумевших получить российского гражданства? Оказывается, ситуация разрешается таким образом: упрятать этих людей за решетку, депортировать — и нет проблемы. Такой факт недавно установила

ние о депортации. Часть этих людей — гастарбайтеры из стран Средней Азии, но очень многие являются переселенцами из бывших союзных республик, которые после развала Советского Союза вернулись в Рос-

Подобная ситуация и у других людей, ожидающих депортации. У одного жена и двое малолетних детей, у другого — беременная жена живет на селе, сейчас не может работать, ее мать на ферме получает

ний или совершивших административно наказуемые деяния? Условия их содержания являются такими же, как в местах лишения свободы. Это решетки, запертые камеры, одни на всех удобства рядом с кроватью и столом. Причем многие могут находиться в таких условиях до года.

Второй вопрос необходимо поднимать на федеральном уровне —